

ревне и их возможные последствия изучены явно недостаточно. Ясно однако, что в накалённой революцией обстановке политические приоритеты неизбежно должны были стать главными и для власти, и для её противников. Так что если революция и стала, по выражению Т. Шанина, «моментом истины», то это была истина войны, а не мира.

Россия 1905–1907 гг.: в поисках новых граней осмысления

Валерий Журавлёв

Russia in 1905–1907: looking for the new aspects of research
Valeriy Zhuravlev (Moscow Region State University, Russia)

Как-то во время одной из дискуссий выдающийся историк Константин Николаевич Тарновский мимоходом дал классическое, на мой взгляд, определение социальной значимости исторического знания: «История – это непрерывный диалог настоящего с прошлым». Действительно, когда меняется настоящее, то появляются и новые социальные, и новые исследовательские запросы, обращённые к прошлому. Нашего современника, человека XXI в., уже не способен убедить лежавший в основе советской идеологии тезис о том, что «революции – это праздники истории». Появляется даже противоположное стремление – возродить точку зрения более чем вековой давности, отождествлявшую революцию со Смутой – в её определении на примере событий в России конца XVI – начала XVII в. С.М. Соловьёв увидел «болезнь государственного организма, в котором скопилось много дурных соков».

Хотя в любой революции неизбежно присутствуют элементы и смуты, и своеобразного праздника, вдумчивый историк не станет солидаризироваться ни с первым, ни со вторым её истолкованием. В то же время революции неизбежно осмыслились и будут осмысливаться в контексте российского модернизационного процесса. Такое понимание легло в основу концепции энциклопедии «Россия 1905–1907 годов», выход которой в свет ожидается в этом году. В массовом же сознании за периодом 1905–1907 гг. закрепился вполне определённый образ революции, наполненный ярким эмоциональным и образным содержанием, в чём немаловажную роль сыграли произведения искусства, в частности гениальный фильм С.М. Эйзенштейна «Броненосец “Потёмкин”». Унаследовала этот образ и современная нам эпоха.

В итоге потрясшие страну события «Кровавого воскресенья» и баррикады Красной Пресни невольно отодвинули на второй и даже на третий план судьбоносные для страны процессы в различных областях её экономической, социальной, политической, культурной и духовной жизни. Между тем сегодня всё более очевидным становится тот факт, что революционные события при их огромной значимости для последующих судеб страны далеко не исчерпывают

всего многообразия происходившего в ней. Это сложное время, внесшее немалое смятение в души современников, всё же должно рассматриваться в контексте обновления, подтолкнувшего страну к выходу на новые рубежи. Думается, что именно такой подход позволяет вернуться к событиям Первой русской революции с позиций мироощущения человека той эпохи. Ибо та революция, которая поднимает на баррикады (в прямом и переносном смысле) вчерашнего законопослушного подданного – лишь следствие и заключительный аккорд другой, «тихой» революции, которая уже свершилась в его голове и душе.

Смысловой каркас энциклопедии составляют статьи, посвящённые базовым понятиям, важным как для современных историков, так и для людей революционной эпохи: государству, общественному мнению, гражданским свободам, демократии, диктатуре, революции, реформе, конституции, террору, терроризму и т.д. Специальный цикл статей знакомит читателя с государственными институтами того времени: самодержавием, бюрократией, Государственной думой, Государственным советом, Комитетом министров, Советом министров, армией, Департаментом полиции и проч. Анализируется институт военно-полевых судов, специально рассматривается избирательное законодательство и его реализация в избирательных кампаниях, характеризуется система земского и городского самоуправления, городского благоустройства и т.д.

Особое внимание уделяется характеристике отдельных социальных слоёв, категорий и групп, в совокупности составляющих общество: сословий, интеллигенции, студенчества, учительства... Сложным, конфликтным отношениям власти и нацеленной на компромисс с нею части общества посвящается статья «Переговоры правительства с оппозицией». Серия статей посвящена характеристике экономического и финансового состояния России в начале XX в., социальной и внешней политике правительства, в том числе роли в ней событий Русско-японской войны.

Естественно, что составители издания стремились с максимальной полнотой отразить стержневые событийные вехи того времени от «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г., Октябрьской всероссийской политической стачки, Манифеста 17 октября 1905 г., движения в армии и на флоте и Декабрьского вооружённого восстания 1905 г. до Выборгского воззвания членов распушенной Государственной думы первого созыва (8 июля 1906 г.) и царского Манифеста 3 июня 1907 г. о роспуске Думы второго созыва – акта, сама возможность появления которого свидетельствовала о затухании революционной волны. Особое место в ряду этих событий заняли рабочее, в том числе забастовочное, и крестьянское движение. Обращают на себя внимание статьи, посвящённые «приговорному движению» как важной форме крестьянской самостоятельности, а также «крестьянским республикам» 1905–1907 гг. – самоуправляющимся сельским территориям, появившимся в ряде регионов страны. Рассматриваются различные формы протестного движения, в частности пассивное сопротивление, характеризуется профсоюзное движение в целом, а также отдельные общества и союзы, формировавшиеся по профессиональному признаку: Всероссийский железнодорожный союз, Всероссийский почтово-телеграфный, Академический и проч.

Для полноты картины в энциклопедию введены сюжеты об отдельных регионах и национальных окраинах огромной империи – Сибири и Дальнем Востоке, Кавказе, Средней Азии, Прибалтике, Польше и Финляндии. Большое внимание уделяется межнациональным отношениям и конфессиональным про-

блемам — национальным движениям, конфессиональной политике правительства, свободе совести, церковному обновлению, культурно-религиозному ренессансу, мусульманскому и еврейскому вопросам, погромам 1905–1907 гг. и т.д. Энциклопедия содержит также подробную информацию о многочисленных национальных организациях и политических партиях.

Суть общественных настроений, определявших логику и масштабы протестных событий в стране, трудно понять и оценить без детальной характеристики общественной мысли и социальных движений. В энциклопедию включены статьи о консерватизме, либерализме, социализме, анархизме, философах и мыслителях разных направлений, о легальных партиях всероссийского масштаба, оформившихся после издания Манифеста 17 октября 1905 г., а также о нелегальных, революционных политических структурах. Читателю предоставляется возможность познакомиться с деятельностью малоизвестной Женской прогрессивной партии, возникшей в декабре 1905 г. на волне массового протеста в стране и ставшей одной из первых в истории женских политических структур. Несмотря на малочисленность, она, действуя вкупе с Российской лигой равноправия женщин (с 1907 г.) и женским движением в целом, подтачивала основы патриархального общества, что в конечном счёте привело к признанию не только социальных, но и политических прав женщин в ходе подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание уже в ноябре 1917 г. Подробную характеристику получила партийная и непартийная периодика, а также книгоиздательская деятельность.

В издании представлена разнообразная информация, характеризующая интеллектуальную, культурную, а также повседневную жизнь различных слоёв общества, развитие науки и образования от начальной до высшей школы. Дается оценка Всероссийскому союзу деятелей науки и высшей школы, Русскому техническому обществу, Движению за народные университеты, Комитетам грамотности, Всероссийскому союзу учителей и деятелей по народному образованию.

Интеллектуальную атмосферу революции, творческий поиск интеллигенции освещают статьи энциклопедии, посвящённые таким сюжетам, как Серебряный век, декадентство, символизм, творческие объединения интеллигенции, выставочное движение, выставки «Голубая роза» и «Мир искусства», журналы и издательства модерна и символизма, «Русские сезоны» С.П. Дягилева, театральная жизнь и т.д. Такие статьи, как «Меценатство и благотворительность», «Общества обывателей и избирателей», «Общества попечения о народном образовании», позволяют оценить первые шаги формирования институтов гражданского общества в стране.

Атрибутом человеческой жизни является цвет, содержащий в себе не всегда нами осознаваемое глубокое символическое и психологическое наполнение. В переломные моменты цвет может приобретать значение символа эпохи в целом, «цвета времени». Таким в рассматриваемое нами время стал красный цвет, чему посвящается отдельная статья издания.

Если характеризовать время революции в человеческом измерении, то следует в первую очередь констатировать необычайно высокий социально-психологический накал в обществе и острую конфликтность общественных отношений. Чтобы наглядно уяснить, какое, условно говоря, расстояние (а, может быть, даже пропасть!) разделяла представителей российского общества обстановка тех лет, будущему читателю энциклопедии достаточно

сопоставить факты, относящиеся, с одной стороны, к «хозяину земли русской» – императору Николаю II, а, с другой, – к романтику той бурной во всех отношениях эпохи, её «расстрелянной мечте» – лейтенанту Черноморского флота П.П. Шмидту.

На такое сравнение наталкивает то общее, что было свойственно и тому и другому – «надпартийность». Если первого и можно считать представителем какой-либо партии, то это была разноликая и аморфная «партия власти», чьим символом (но отнюдь не реальным лидером) он был. Второй же позиционировал себя в качестве «беспартийного социалиста», в чём-то солидаризируясь с убеждениями и программными положениями партий кадетов, эсеров, социал-демократов, но в остальном не соглашаясь с ними. В каком-то смысле сопоставление двух этих людей можно считать персонификацией взаимоотношений власти и общества.

Факты свидетельствуют: действия Николая II на всех этапах революции объективно (нередко даже неосознанно) вели не к смягчению, а к обострению нараставшего конфликта власти и общества. Так, события 9 января 1905 г. царь оценил с позиций, быть может, встревоженного, но всё же стороннего наблюдателя, записав в дневнике: «Тяжёлый день! В Петербурге произошли серьёзные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело. Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей»¹. Ровно через 10 дней царь принял тщательно отобранную полицией «депутацию» из 34 рабочих. Строго посетовав в ходе общения с ними, что «мятежной толпой заявлять мне о своих нуждах – преступно», он в заключение заявил: «Я верю в честные чувства рабочих людей и непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их». Распечатанное в «Правительственном вестнике» от 20 января 1905 г., это «прощение» возмутило Россию и отозвалось далеко за её пределами.

Всячески противился император и принятию мер по смягчению ситуации в стране в условиях Октябрьской политической стачки 1905 г. Знаменитый Манифест 17 октября он подписал лишь под сильнейшим давлением своего ближайшего окружения, в том числе членов императорской фамилии, раньше него уразумевших смысл заявления С.Ю. Витте о том, что для спасения монархии надо «бросить кость народу» в виде декларируемых гражданских свобод. «После такого дня, – писал Николай II в дневнике, – голова сделалась тяжёлою, а мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию»². Однако полностью облегчить свою душу и вместе с тем довольно точно оценить ситуацию царь смог лишь 19 октября в письме к матери – вдовствующей императрице Марии Фёдоровне: «Мы обсуждали его (Манифест. – В.Ж.) два дня, и, наконец, помолившись, я его подписал. Милая моя Мама, сколько я перемучился до этого, ты себе представить не можешь! Я не мог телеграммою объяснить тебе все обстоятельства, приведшие меня к этому *страшному решению* (выделено мной. – В.Ж.)... Исхода другого не оставалось, как перекреститься и дать то, что все просят... Мы находимся в полной революции при дезорганизации всего управления страной; в том главная опасность»³.

¹ Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. / Отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 2. Ч. 1. М., 2013. С. 15.

² Там же. С. 65.

³ Российский Императорский Дом. Дневники. Письма. Фотографии. М., 1992. С. 74–75.

Привычно уповая на Господа, самодержец и на этот раз не пожелал задуматься, а что может и должен сделать для спасения страны и собственного спасения он сам. Уже на следующий день он постарался выбросить из головы то, что накануне так его озаботило: «Сегодня состояние духа улучшилось, так как решение уже состоялось и пережито. Утро было солнечное и радостное – хорошее предзнаменование»⁴. Через год – 17 октября 1906 г. – память его воскресила лишь обстановку «мучительных часов прошлого года», которые ему пришлось пережить, ожидая приезда С.Ю. Витте с текстом Манифеста⁵.

Делая дневниковую запись 17 октября уже в 1917 г., Николай, находясь с семьёй в Тобольске, не вспомнил о Манифесте. Но ровно через месяц после этого, 17 ноября 1917 г., прервав традиционные описания своих ежедневных прогулок, он как бы подвёл итог своему несчастливому царствованию: «Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве. Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени». Однако уже следующий день принёс ему новый удар в виде сообщения о начале переговоров большевистского правительства с Германией о заключении сепаратного мира. Комментарий Николая II можно считать уникальным для него по своему эмоциональному накалу: «Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнения народа, и в то время, что противником занята большая полоса страны»⁶. Кажется, впервые (и, скорее всего, единственный раз!) за все десятилетия ведения дневника – и безвозвратно ушедшего в прошлое царствования в целом – Николай употребил понятие «мнение народа». Так постепенно и с катастрофическим запозданием от стремительно несущихся мимо него событий у Николая шёл процесс вызревания того, что можно было бы назвать «политической культурой». Быть может, бывший самодержец, находясь в Тобольске, а затем в Екатеринбурге, и размышлял о том, что именно в его собственных поступках привело к новой российской Смуте. Однако никаких следов этих размышлений (а тем более раскаяния) на страницах дневника, как и в иных доступных источниках, мы не находим.

На другом полюсе не столько политической, сколько сугубо человеческой шкалы приоритетов, предпочтений и ценностей вполне можно поместить скромного лейтенанта Черноморского флота Петра Петровича Шмидта. Холодной отстранённости императора от судеб «своей» страны, не связанных с его личной судьбой, он как бы противопоставил почти детскую открытость и эмоциональность в восприятии событий нараставшей революции. Отметим его стремление личным участием и под свою ответственность добиваться воплощения в жизнь Манифеста 17 октября 1905 г., не уступая никому «ни одной пяди завоёванных... человеческих прав». Даже собственную грядущую казнь Шмидт считал «очень плодотворной в смысле революционизирования России». Император же не пожелал воспользоваться возможностью смягчения приговора Шмидту, которую подсказывало ему ближайшее окружение.

Один лишь этот пример показывает, сколько новых граней в истории России способно открыться при исследовании социально-психологических коллизий революционной эпохи.

⁴ Дневники императора Николая II... Т. 2. Ч. 1. С. 61.

⁵ Там же. С. 161.

⁶ Там же. Т. 2. Ч. 2. М., 2013. С. 340.